

две недели — а была уже середина июля — меня не «собрать». Филфак упрощал дело — особой подготовки мне не требовалось. Я согласилась.

— Тяжело вам досталась первая серьезная победа?

— У себя дома я всех обыгрывала довольно легко, потому что предвидела, что будет дальше. Сейчас это чувство в себе я называю «компы-

Элита тянулась к теннису. Не случайно всех теннисистов и сейчас называют «аристократами» и «белорубашечниками». Только в 1984 году наметился прорыв, и теннис стали показывать по телевизору. Николай Озеров, у которого была тьма хлопот с футболом, хоккеем и т. д., благородно «отдал» мне этот вид спорта.

— Приходилось начинать с ликбеза?

«ХОТЬ ОДИН БЫ НАЗВАЛ МЕНЯ БАБУШКОЙ. ВСЕ АНЯ ДА АНЯ» (С ВНУКАМИ АНТОШЕЙ, ОЛЕЙ, КИРИЛЛОМ И АНДРЕЕМ)

семь лет. Мама вышла замуж за Кирилла Молчанова. Родился Володька, и ей пришлось оставить сцену.

— Где вы познакомились с вашим мужем Дмитрием Николаевичем, внуком Корнея Ивановича Чуковского?

— В Коктебеле. За мной ухаживал его друг, мой первый муж Миша Толстой, и мы всю крутили роман. Мама и отчим были против этого брака. Тогда Миша решил меня украсть. А потом, мол, «старикам» ничего не останется делать, как выдать ему меня «автоматом». Мне было 20 лет, а Мите, свидетелю всех этих перипетий, а потом свидетелю на нашей свадьбе, всего 17. Прошло время — и судьба свела нас... Вот так.

— Значит, вы были знакомы с Корнеем Ивановичем?

— Да, мы вместе жили на даче в Переделкино. Чуковскому требовалось постоянное присутствие кого-нибудь из близких. Этим близким человеком, который за ним ухаживал, оказалась в какой-то момент я.

— Как он к вам относился?

— Называл брак Мити самой большой удачей в его жизни. Когда были опубликованы дневники Корнея Ивановича, я с удовольствием прочла в них милые слова о себе.

При первой нашей встрече Чуковский сказал: «Вы — вторая спортсменка в моей жизни».

— Кто же первая?

— «Первая» был Уточкин, пионер отечественной авиации. Конечно, Корней Иванович частенько подтрунивал над мной, но в любом человеке он уважал профессионализм. К тому же убедился, что я не какой-нибудь спортивный орангутанг, а нормальный человек, и даже вполне образованный.

— ... и знающий, помимо английского и французского, русский — известному борцу за чистоту родного языка, думаю, это было приятно.

— Чуковский очень даже воспитывал меня в этом смысле! Когда вы-

шла моя первая статья, в которой я писала, что «обкинула свою соперницу свечкой», он воскликнул: «О, как интересно! Вы расширяете круг моих познаний о русском языке! До этого я думал, свечка — это то, что зажигают».

Корней Иванович любил, чтобы на ночь ему читали. Всегда сам подбирал книги, которые могли заинтересовать в первую очередь меня. И очень обижался, когда я, думая, что он заснул, захлопывала книгу. Он мгновенно открывал глаза: «Как мне стыдно, что вы лишены любознательности! Неужели вам неинтересно, чем все закончилось?»

По сути своей он был артист, и ему нужны были зрители. Он был уже старенький, уставал. А к

нему приходили целые пионерские отряды! «Анечка, если что, скажите, я умер», — говорил он. И вот появляется очередной класс во главе с учительницей. «К сожалению, Корней Иванович плохо себя чувствует и сегодня принять не может», — извинялась я. Тут раздавался его голос: «Кто эта негодница, которая не пускает меня к детям?»

— Правнуки докучали деду?

— Он их обожал! Дочка моя была малюсенькая, года два. Всегда был готов поиграть с ней, что-то подарить. «Какой же я старый дурак! — восклицал он. — Когда я слышу, как стучат эти маленькие ножки, все во мне содрогается от умиления, а идет сама Алчность, по-

ДМИТРИЕВА — РЕКСУ: «ДАЛЕКО ОТ ДОМА НЕ ОТХОДИ, С ПЛОХИМИ СОБАКАМИ НЕ ВОДИСЬ. ЧЕРЕЗ ДВА ЧАСА ОБЕД»

ютером». «Запрограммированность» действий в теннисе просто необходима. «Бум!» — и ты знаешь уже, куда придет ответ, и ты уже там. Такой интуицией — умом это нельзя назвать — обладает сейчас первая ракетка мира 16-летняя Мартина Хингис из Швейцарии.

— Кого из великих мира сего научили играть?

— Кого только не научила! Все боссы любили играть со звездами, а многие звезды потом этим пользовались: получали квартиры, путевки... Я старалась оставаться независимой. Но однажды, когда «приперло», решила тоже таким образом обзавестись квартирой. И с этой целью пошла играть со всеми начальниками. А язык все никак не поворачивался. Тут случилось непредвиденное: у меня разорвалось ахиллово сухожилие, и я загремела в больницу. Сам господь Бог подсказал мне, что здесь мне «не светит».

— Да, с нуля. Наши за рубежом не выступали, а чтобы зрители испытывали интерес к теннису, надо было болеть за кого-то. Поэтому я пыталась сделать всех этих «беккеров» хорошими знакомыми. Короче, домысливала в эфире их биографию.

— Для человека, выросшего в творческой среде, это не удивительно. Знайки утверждают, что отечественная сценография выросла из мастерства вашего отца Владимировича Дмитриева, ученика Петрова-Водкина, друга Булгакова.

— Мой папа был главным художником МХАТа. А Михаил Булгаков фактически умер на его руках. Были всего два друга, которые оставались верны писателю до последнего дня его жизни. Когда Булгаков умер, папа рисовал его, лежащего в гробу. А мама была актрисой, работала в Театре Советской Армии. Отец умер, когда мне было

МИТЯ: «МАТЬ, ЗАЧЕМ ТЕБЕ ТРЕНАЖЕР? ТЫ ЖЕ ИЗ КОММЕНТАТОРСКОЙ КАБИНЫ НЕ ВЫЛЕЗАЕШЬ» МАМА: «ПУСТЬ БУДЕТ, ВОТ СПОРТ БРОШУ И...»